

АРТУР СТИНЧКОМБ

Предпосылки мирового капитализма: обновленный Вебер*

1. Веберовская логика предпосылок капитализма

В своей теоретической схеме анализа возникновения капитализма Вебер начинал с установления того, какая часть общественной жизни определяется принципами, которые обособляют ее от задач производства товаров или услуг для продажи на рынке или извлечения прибыли от такой продажи. Соответственно, труд становится капиталистическим, когда он может быть куплен (отчужден) за заработную плату и направлен на цели производства для продажи. Активные фонды становятся капиталом, когда они направляются исключительно на труд, связанный с производством товаров или услуг для рынка. Его основная мысль заключалась в том, что большая часть товаров на протяжении большей части истории человечества либо производилась для потребления самими работниками, либо направлялась на войну, либо приносилась в виде пожертвований религиозным организациям, либо переходила родственникам для использования и потребления ими, либо использовалась иным образом в некапиталистических целях.

С точки зрения социальной истории, всегда существовали области общественной жизни, сильнее определявшиеся динамикой рынка. Так, созданные государством деньги представляют собой более однородную часть рынка, чем конкретные потребительские блага государства (например, дороги); оплачиваемый труд встречается в производстве на рынок чаще, чем неоплачиваемый домашний труд; денежные жертвования церквям «в обмен» на спасение определяются рыночными принципами слабее, чем деньги, обмениваемые на розничные товары. Таким образом, при рассмотрении конкретного общества Вебер занимался распределением потоков производства, обмена и потребления на те, что определялись рыночными принципами в большей степени, и те, что определялись ими в меньшей степени. Например, прибрежные европейские города в эпоху Средневековья и в начале Нового времени были вовлечены в производство, транспортировку, обмен и продажу товаров на рынках сильнее, чем маноры и сопоставимые по разме-

* Arthur L. Stinchcombe, 'The Preconditions of World Capitalism: Weber Updated', *The Journal of Political Philosophy* 2003, 11 (4), pp. 411-436.

рам правительственные центры, удаленные от морского побережья более чем на один день пути.¹

Вообще история капитализма связана с ростом этих рыночных центров, ориентированных на производство, обмен и продажу, и относительным сокращением видов деятельности и ресурсов, направленных на иные цели и определяемых отличными от рынка институтами. С этой точки зрения, проблема возникновения капитализма – это проблема более быстрого развития этих дифференцированных рыночных частей экономики по сравнению с нерыночными частями.

Под «ориентацией на рынок» Вебер понимал принадлежность этих частей экономики к взаимосвязанной системе решений, касающихся производства, обмена или приобретения товаров или услуг в более или менее конкурентных отношениях (каждый покупатель имеет, по крайней мере, одного альтернативного продавца и наоборот). Чем больше такие решения ориентированы на максимизацию выгоды тех, кто их принимает, минимизацию издержек и максимизацию встречного удовлетворения, более дешевую покупку и более дорогую продажу, тем больше они «ориентированы на рынок». В таком случае, вопрос возникновения капитализма – это вопрос более быстрого роста таких структур взаимосвязанных решений в этих областях деятельности по сравнению с семейными, религиозными, военными или политическими системами решений.

Основная мысль Вебера заключается здесь в том, что капитализм возникает на границах *между* теми решениями и видами деятельности, которые определяются рынком, и теми, которые ориентированы либо на завоевания, либо на сохранение национальной политической власти, либо на спасение душ, либо на служение свободной и настоящей науке в журнале, редактор которого не стремится к получению прибыли. Это, конечно, в свою очередь, означает, что особенности устройства семей, религиозных общин, национальных государств или армий завоевателей очень важны в развитии капитализма, так как они находятся на границах, которые должны быть охвачены рынком для того, чтобы появилась возможность возникновения капитализма. Таким образом, развитие на этих границах социальных структур, более ориентированных на рынок (например, «предпринимательства» или «наемного труда»), представляет собой конкретную форму развития капитализма. То, что происходит на границах между решениями, определяемыми ориентацией на продажу на рынке, и решениями, определяемыми, скажем, ориентацией на спасение душ, зависит от того, каким образом спасают души и подсчитывают прибыли и убытки на предприятии. Вебер, например, считал, что непреложность христианской аскетической дисциплины и ее нормы способствовали развитию эффективного наемного труда, контролируемого работодателем, даже если последний не был конкретно легитимирован церковью.

Задача этой статьи заключается в том, чтобы охватить веберовским анализом предпосылок капитализма, завершившимся промышленной революцией, 1990-е годы и ближайшее будущее. Вебер рассматривал возникновение капитализма в основном в национальных государствах. В отличие от его

¹ Вебер 2001, здесь и далее – Вебер *ИХ* [*История хозяйства*]; см. об этом также: Polanyi, Arensberg, and Pearson 1957; о роли *ИХ* в теоретической мысли Вебера см.: Collins 1996b.

эпохи, теперь стало понятно, что границы распространения рынка в значительной степени находятся между национальными государствами, а от рынков требуется более глубокое проникновение в институты наций, не входивших в число основных капиталистических стран, изучавшихся Вебером. В действительности, более высокие показатели роста внешней торговли по сравнению с внутренней торговлей были отличительной особенностью Европы с начала Нового времени; в самой глобализации капитализма нет ничего нового. Новизна же заключается в том, что сектора, стремительно развивающиеся на границах национальных экономик, во многих экономиках не являются доминирующими.² «Глобализация» сегодня в значительной степени означает развитие капитализма, направленное на замену остальных институтов, определяющих экономическую деятельность, международными капиталистическими институтами, вмешивающимися в управление экономической деятельностью в более бедных обществах. Международный валютный фонд — это в равной степени руководящий орган, занимающийся насаждением капитализма в бедных странах с использованием возможностей кредитования правительств этих стран, и стабилизатор внутренних валютных курсов, каким он изначально и задумывался.

2. Изложение предпосылок у самого Вебера

Хотя вся «История хозяйства» ориентирована на изучение исторических истоков капиталистических практик, к открытому рассмотрению капитализма Вебер переходит только в последней части книги (или курса, из которого книга была составлена редакторами). С его точки зрения, предпосылки капитализма таковы:

Капитализм имеется налицо там, где производственно-хозяйственное покрытие потребностей некоторой группы людей, независимо от рода этих потребностей, осуществляется путем предприятия; специально *рациональное* капиталистическое производство есть производство на основе капиталистического расчета... Самой общей предпосылкой этого новейшего капитализма является 1) *рациональный расчет капитала, как норма для всех крупных промышленных предприятий...* 2) *Вольный рынок*, то есть свобода рынка от нерациональных стеснений обмена... 3) *Рациональная*, т.е. строго рассчитанная и поэтому механизированная *техника* как производства, так и обмена... 4) *Рациональное*, т.е. твердо установленное право. Чтобы капиталистический порядок мог функционировать рационально, хозяйство должно опираться на твердые правовые нормы суда и управления... 5) *Свободный труд*, т.е. наличность таких людей, которые не только имеют право свободно продавать на рынке свою рабочую силу, но и экономически принуждены к этому... 6) *Коммерческая организация хозяйства*, под которой здесь разумеется широкое применение ценных бумаг для установления прав участия в предприятиях и прав на имущество, словом: возможность исключительной *ориентировки при покрытии потребностей на рыночный спрос и доходность предприятия*. В той мере, в какой коммерческая постановка вопроса прибавляется к указанным другим признакам капитализма, выступает с большей силой значение еще одного, до сих пор не затронутого момента, именно — спекуляции (ИХ, с. 254-257).

В каком-то смысле они являются не «предпосылками», а идеально-типическим *определением* капитализма. Чем сильнее развиты указанные социаль-

² См. наиболее полную на настоящее время работу о проникновении «бизнеса» в промежуточных областях между государствами: Braithwaite and Drahos 2000.

ные механизмы в удовлетворении различных потребностей, тем более капиталистической оказывается социальная система, частью которой они являются. Но предложенный первым основной веберовский критерий предприятия заключается в переводе в наглядные социально-структурные показатели тезиса о развитии предприятия с развитием капитализма. Поэтому всякий раз, когда капитализм наталкивается, например, на границу семьи, где права собственности значительно менее коммерциализированы и менее представлены долевым участием, чем в промышленных корпорациях, и где затраты понимаются как удовлетворение потребностей, а не источник прибыли, мы имеем дело с границей «капитализма».

Всякий раз, когда подразделы семейной социальной структуры, находящиеся за этой границей, начинают поддаваться рыночным силам, как в том случае, когда пары имеют меньше детей, вследствие чего женщины могут работать на рынке труда большее количество лет, мы обнаруживаем социальную предпосылку «развития капитализма». Хотя о рыночной полезности родившихся детей речи по-прежнему (по большей части) не идет, учет скрытых денежных и трудовых издержек при решении вопроса о том, скольких детей им заводить, заставляет семьи соблюдать непереносимое условие капиталистической экспансии. И поскольку родители, имеющие ребенка, отправляют его в школу, ориентированную на подготовку детей к взрослому рынку труда, рынок косвенно выполняет социализирующие задачи семьи, занимая ребенка в течение нескольких часов в день.

3. Пересмотр веберовского определения капитализма в соответствии с экономическими показателями

Быть может, лучшим показателем общего развития капитализма служит доля всех товаров и услуг, используемых в домашнем хозяйстве, которые не производятся неоплаченным трудом членов домохозяйства, или (наоборот) доля всех видов деятельности членов домохозяйства, которые относятся к оплаченному труду, образованию или досугу вне дома, а не к прямому производству товаров и услуг. В большинстве обществ домохозяйство является основным центром потребления и основным поставщиком неоплачиваемого труда. Как правило, чем больше домохозяйство потребляет от рынка и чем больше труда членов домохозяйства продается на рынке труда, тем более капиталистическим является общество.

Полезность этого критерия, бесспорно, связана с вопросом о степени. На рынке труда почти нет детей, а число пенсионеров довольно невелико. Многие женщины и некоторые мужчины отказываются от многих лет занятости на рынке труда, чтобы посвятить их семье. Отпуска по-прежнему часто проводятся с родственниками, а не на дорогих курортах. Значительная часть средств, поступающих в домохозяйства, и даже большой объем услуг обеспечивается государством, а не частными предприятиями. Но все это в большей степени свойственно менее капиталистическим обществам, а не большинству капиталистических обществ.

Еще одним важным нерыночным потребителем товаров и услуг является государство. Поэтому если прибавить долю всех товаров, потребляемых го-

сударством (включая те, что потребляются людьми, получающими государственные пенсии или пособия), *которые приобретаются на рынке*, в качестве свидетельства глубины проникновения рынка, показатель домохозяйства стал бы более совершенным. Этот дополнительный показатель, следуя мысли Вебера, предполагает, что покупка государственными производителями труда и капитального оборудования и продажа своих товаров на рынке (или за определенную плату) должна считаться «государственным капитализмом». Когда государственные пособия выплачиваются в денежном виде и тратятся на рынке, это тоже является «государственным капитализмом». Это обусловлено тем, что значительная часть соответствующей хозяйственной деятельности и производства, обеспечиваемого правительственными денежными средствами, приходится на предприятия, ориентированные на рынок и использующие учет капитала.

Но основной теоретический вклад Вебера в понимание этого грубого показателя заключается в том, что ориентированная на рынок доля потребления или экономической деятельности домохозяйств и государства представляет собой функцию относительного темпа роста секторов общества, определяющих хозяйственную деятельность при помощи рыночных институтов. Вебера поражали многообразные формы организации нерыночного потребления и производства, но, по его мнению, существовал лишь один набор институтов рыночного правления. Источником капитализма, с его точки зрения, было расширение рыночной деятельности государства. В областях социальной жизни, определявшихся родством, религией, насилием или сплоченностью административно-территориальных единиц, проникновение капитализма происходило различными путями. И каждый из них представлял собой особую «предпосылку капитализма».

Рассмотрим, исходя из наиболее зрелого и сосредоточенного описания из «Истории хозяйства», различные силы в различных областях социальной жизни, способные сократить производство и потребление жизненно важных продуктов (или иное производство, определяемое непосредственно жизненно важными задачами, а не рыночными ценами) и увеличить рыночное производство и потребление: то есть более конкретные «предпосылки капитализма». Здесь все же важно помнить, что в концепции Вебера предпосылки — это не «причинные толчки» или «события», а детерминанты *относительных темпов роста*, иного рода деятельности, которая, возможно, не сразу привела к «победе» рыночных институтов. Я и далее буду высказывать свои соображения относительно применимости каждой из этих предпосылок к распространению капитализма во всем мире в конце XX — начале XXI века.

Затем будут рассмотрены новые предпосылки такого распространения капитализма, связанные с тем, что социализм и национальные государства стали основными источниками нерыночных сил уже на «традиционном» и «ранне-современном» этапах развития. В «моих» новых предпосылках основная логика Вебера просто пересматривается применительно к изменившейся обстановке (кавычки означают, что все они значительно более подробно рассматривались другими исследователями, а «моими» они являются только в качестве дополнения к теории Вебера).

4. Сельское хозяйство

Вебер прекрасно понимал, что индустриализация, коммерциализация и урбанизация происходят, прежде всего в аграрных обществах. Обширная вводная часть «Истории хозяйства» посвящена проблеме коммерциализации сельского хозяйства, поскольку коммерциализация того, что принято считать основой капитализма, зависит от коммерциализации сельскохозяйственного производства (или иногда даже от временных принудительных натуральных сельскохозяйственных поставок в города).

Традиционное сельскохозяйственное производство ориентировано на удовлетворение жизненно важных потребностей домохозяйств и вовлеченных в производство общин. Различные виды земель, например, жилые сельские земли и огороды, орошаемые пашни, питаемые дождями пастбища и леса, используются в различных целях, по-разному организованным трудом, с различными способами присвоения выгоды и различной практической значимостью гарантированных прав и обязанностей. Такие ресурсы сочетаются и используются различным образом в различных деревнях и селах. В сочетании с производством множества жизненно важных товаров, это означает, что труд, обмен, земельная собственность и собственность на орудия труда и животных обычно сложно организуются в соответствии с местными нормами и соглашениями.

Как только в таких «общинных» системах начинается коммерциализация затрат и выпуска — кто кому и за какие ресурсы платит, кто и за что работает на другого, какие товары и услуги покупаются и кто сколько содержит детей и стариков, не способных себя обеспечить, кто и что продает на внешнем рынке и так далее, — все должно быть определено заново.

В таком случае, процесс «установления прав», позволяющих вступать в рыночный обмен, оказывается глубоко общинным и глубоко политическим. Права являются политическими, так как общинное устройство основывается на исключении чужих в пользу своих. В ходе этого процесса люди должны решить, что из старого нужно уничтожить. Возникновение в дальнейшем значительных различий обусловлено тем, какие виды земли, производственной деятельности, перевозимых и рыночных изделий и прочего существуют и производятся и, следовательно, вызывают вопросы, связанные с присвоением и рыночным обменом. Первыми на рынок обычно выходят товары, вторыми — небольшие участки сельскохозяйственных земель (иногда для продажи, но чаще, скорее, для сдачи в аренду), затем сельскохозяйственные рабочие начинают получать заработную плату и вступают в конкуренцию с внешней рабочей силой, а четвертыми и последними на рынок выходят «участки» сельскохозяйственных или государственных земель. Даже в Соединенных Штатах значительные фермерские земли до сих пор наследуются не как коммерческие земли, а как конкретная вещь. Я почти уверен в том, что количество ежегодно наследуемых сельскохозяйственных земель соответствует количеству покупаемых и продаваемых земель. Но степень коммерциализации, степень проникновения капитализма в этих различных областях сельскохозяйственной общественной жизни зависит от множества обстоятельств.

Кроме того, ответ на вопрос о том, кто и какую собственность получает во владение и на каких условиях обеспечивает свое хозяйство рабочей силой, меняется в зависимости от политической и военной структуры и прошлой истории классовых и политических отношений в сообществе. Именно это так любит Вебер — множество путей к капитализму в сельском хозяйстве — и именно это заставляет нас выть от скуки. Когда более 50% рабочей силы приходится на сельское хозяйство, а именно так до сих пор и обстоит дело во многих странах мира, такая скучища оказывается тем, что есть на самом деле. Об этом редко пишут в *New York Times*, но в этом состоит суть вопроса. А когда об этом все-таки начинает писать *New York Times*, все подается в виде уходящего корнями в седую древность противостояния косоваров и сербов или сингалцев и тамиллов, а не спора о том, кто какую землю возделывает, кто должен платить за это, а также кому, за какую плату и под чьим наблюдением приходится на ней работать.

Бесспорно, разложение систем общинной политики и связей с местной и национальной политической властью, ведущее к возникновению отчуждаемой собственности и наемного труда, чревато борьбой и противодействием. Разложение капиталистических империй после Второй мировой войны во многом было обусловлено проникновением капитализма в эти сельскохозяйственные системы. Джеффри Пейдж показал, что аграрные революции в бедных странах в этот период были связаны с экспортом сельскохозяйственной продукции, преимущественно капиталистическим.³

Тот факт, что теперь такие революции зачастую принимают форму популистских движений в демократической политике, не делает их менее антикапиталистическими или, по крайней мере, направленными против конкретной недавно коммерциализированной и корпоративизированной формы организации капитализма на соответствующей территории. Они по-прежнему остаются во многом похожими на джексоновское и популистское движения в Соединенных Штатах в XIX веке. Они могут быть антикапиталистическими, отстаивая традиционные землевладельческие интересы аристократии (как в случае джефферсоновского предвосхищения джексонизма) и интересы крестьянства (каким было движение Тома Уотсона в Джорджии).⁴ В более бедных странах сегодня можно найти некое подобие сельской верхушки — и среди крупных землевладельцев, и на некоторых зажиточных крестьянских территориях, — составившей базу гитлеровского популизма, а некоторые гражданские войны до сих пор напоминают борьбу «фрисойлеров» с плантаторами во время Гражданской войны в Америке в XIX веке. Они также могут отстаивать нелегальный капитализм в торговле наркотиками, как показывает пример левых и правых революционеров в сельской Колумбии. Чтобы понять, почему так происходит, необходимо рассмотреть институционализацию торговли лекарствами и наркотиками, что мы вкратце и сделаем ниже.

Ответ на вопрос о том, какой из сельских капитализмов победит, во многом зависит от конкретных регионов, поэтому в различных регионах име-

³ Paige 1975.

⁴ См.: Woodward 1979 [1938].

ются различные революционеры. Революции замедляют развитие капитализма. Они организуют антикапиталистические силы в военные отряды, которые после завершения революции продолжают оказывать негативное влияние на обычную организацию рабочей силы в мирном производстве для рынка; они создают «авантюрный капитализм», а не «капитализм фирмы или предприятия», как любил отмечать Вебер. «Мерк», «Эбботт Лэбораториз» или даже «Бердсай» смогли бы производить кокаин лучшего качества и по более низкой цене, чем правые или левые партизаны в Колумбии, если бы мы им позволили заниматься этим. Но мировому капиталистическому рынку не удастся справиться с политикой и военной властью в сельской Колумбии. Чтобы понять, почему так происходит, необходимо рассмотреть институционализацию торговли наркотиками.

Возмущение фермеров, которые больше не могут позволить себе питаться местными продуктами во время голода, не причинило серьезного ущерба капиталистической организации мирового сельского хозяйства. Одним из основных предметов озабоченности, связанных с регулированием современного сельского хозяйства, служат субсидии и торговые барьеры, направленные на защиту национальных коммерческих фермеров. Еще один важный предмет озабоченности — наличие вредных для здоровья веществ, порча и искаженное представление о продаваемых на международном рынке продуктах.⁵

Степень технических перемен в сельском хозяйстве выше, чем в промышленном производстве и, возможно, в сфере услуг. Это означает, что производство точно таких же продовольственных продуктов, как и в предыдущем поколении, в нынешнем поколении нуждается в наполовину меньшем количестве фермеров. Средний размер семейной фермы, оцениваемый по действительной стоимости продукции (и приблизительно оцененной в акрах), удваивается каждые тридцать лет. Поскольку люди едят немногим больше своих предков, это значит, что примерно половина фермерских семей окажется не у дел. Капитализм с «созидательным разрушением» бесполезных фирм выполняет такую задачу весьма действенно. Государство не проявляет в этом деле особого энтузиазма, а фермеры и вовсе не желают этим заниматься. Капитализм ведет к использованию удобрений и инсектицидов (основные причины увеличения производительности), вследствие чего они лишаются своих ферм. Прочный мелкобуржуазный популизм фермеров во многом обусловлен способностью капитализма лишать их средств к существованию.

Но в этой области мировой капитализм не сильно зависит от популярности среди фермеров. Он зависит от потребителей, которые не считают, что средства, хорошо разрушающие нервные системы насекомых-вредителей, не причиняют ущерба нервной системе потребителя. Создание сертификатов качества и безопасности пищевых продуктов стало важнейшей составляющей их превращения в товар. Потребительский популизм живет и процветает, но его могут побороть сертификаты безопасности. Удобрения не многим опаснее компоста и менее опасны, чем обработанные человеческие нечистоты. Но пестициды предназначены для убийства, поэтому остат-

⁵ Braithwaite and Drahos 2000, pp. 399-417.

ки пестицидов в наших продуктах питания (и даже в значительно меньшей части нашей «органической» пищи) препятствуют их окончательному превращению в товар.

Политически организованный сельский популизм, особенно в бедных странах, и боязнь отравления вызывают основные трудности на пути экспансии мирового капитализма в сельском хозяйстве.

5. Превращение жизни, смерти и страданий в товарный рынок

Прекрасным примером проблемы установления соответствующих границ между внерыночной жизнью и рыночными торговыми потоками служит торговля лекарствами. Брейтуэйт и Драхос описали пять различных видов международных институтов, которые пытаются этим заниматься.⁶ Цена и количество составляют сущность товаров, но жизнь и смерть представляют собой глубоко моральную дихотомию, и в наши дни люди не могут законно продавать и покупать жизнь. Однако лекарства имеют отношение к жизни и смерти и все же остаются товарами.

Торговля лекарствами во всем ее поразительном многообразии затрагивает самые глубокие моральные чувства людей — то, что они могут делать со своими телами и умами и со временем своей смерти. Зависимость от лекарственных и наркотических средств всегда была важной моральной проблемой. Но с капиталистической точки зрения зависимость создает превосходную монополию для поставщика. Также важен в моральном и экономическом отношении вопрос о том, сколько следует потратить на лечение прежде, чем можно будет со спокойной душой позволить больному человеку умереть, и никто никогда не позволит вашей матери умереть с меньшими затратами, даже в большинстве капиталистических стран.

В Соединенных Штатах около половины всех медицинских расходов производится в последние месяцы жизни. Приходящиеся на эту половину интеллектуальная собственность на лекарства, оборудование или профессиональные навыки чрезвычайно прибыльны. Но считать смерть прекрасной капиталистической возможностью — сомнительное в моральном отношении предприятие. И, конечно же, очевидна разница между несколькими долларами, которых не хватает на лекарства для спасения индийского ребенка, умирающего от диареи, и огромными тратами на отделения интенсивной терапии для еле дышащих сердечников.

Брейтуэйт и Драхос выделяют пять основных составляющих институционального регулирования таких глубоко моральных вопросов торговли лекарствами и наркотическими веществами: 1) интеллектуальная собственность на «этическом» (т.е. рецептурном) рынке лекарств;⁷ 2) контроль качества, особенно клинические испытания новых лекарств, а также контроль над процессами производства и распределения;⁸ 3) отпускаемые без рецепта лекарства, почти не регулируемые на международном уровне и с трудом

⁶ Braithwaite and Drahos 2000.

⁷ Braithwaite and Drahos 2000, pp. 63-72, 87, 180-183, 196, 203-204, 235, 572, 575-567.

⁸ *Ibid.*, pp. 369-394.

регулируемые в большинстве стран;⁹ 4) регулируемые, но облагаемые высокими налогами психоактивные вещества, особенно табак и алкоголь, при этом национальные регулирующие институты весьма разнятся;¹⁰ 5) и нелегальные, вызывающие зависимость «развлекательные» препараты и наркотики (в этой области мелкие наркодельцы сначала были организованы на более высоком уровне ЦРУ с целью финансирования проамериканских партизанских движений, а затем с ними начало бороться американское министерство финансов).¹¹ «Война с наркотиками» пока что преуспела главным образом в принятии мер, касающихся розничной торговли мелких «предприятий», а оптовая торговля осталась в руках наследников идеологических движений, созданных ЦРУ, которые со временем превратились в крупные «коммерческие предприятия».

Сложности, с которыми сталкиваются различные институты при проведении границы между моральными вопросами жизни и смерти, связанными с этими товарами, и коммерческим обращением этих товаров, определяемым предприятиями с ликвидным капиталом, показывают, насколько сомнительна легитимность капитализма. Пытаться отстоять высокую прибыль от интеллектуальной собственности на лекарства против СПИДа в Ботсване или Таиланде так же сложно, как и пресечь международную торговлю кокаином, опиатами и марихуаной, причем в обоих случаях наше отношение к эффективности нелегального капитализма будет различным.

6. Международная валюта и легитимность навязываемой финансово-бюджетной политики

В веберовском описании предпосылок капитализма странным образом ничего не говорится о деньгах, *numeraire* современного капиталистического учета. В истории денег (IX, с. 218-234) он рассматривает происхождение чеканки монет из ценных металлов. Ценные металлы «автоматически» составляли международную валюту. Но отношения между «созданными государством» бумажными валютами основываются теперь не на ценности золота и серебра, а на интернациональной стоимости общего количества продукта отдельных стран, изготавливающих собственные деньги. Проблема валюты, по его оценке, исчезает около 1800 года, хотя из его истории денег ясно, что он считает обмениваемые на международном уровне деньги очень важными для капитализма. И вскоре читатель, вероятно, поймет, почему Вебер «перескочил» через них; деньги — чрезвычайно сложная тема. Но если будущие деньги неисчислимы, исчисляемый закон, который заставляет платить по контракту, не позволяет оценить действительную стоимость контракта и потому не создает предпосылок капитализма.

⁹ Главный психотропный препарат среди них — кофеин, а аспирин остается, возможно, одним из самых давних и крупных рынков терапевтических нерегулируемых лекарств, несмотря на то, что он обладает серьезными, подчас фатальными, побочными эффектами; см.: *ibid.*, pp. 388-394.

¹⁰ *Ibid.*, pp. 362-363, 373-374, 380, 394-396.

¹¹ *Ibid.*, pp. 360-368, 380-396.

Мексиканское правительство занимало деньги, преимущественно американские доллары, с целью экономического развития.¹² После повышения Рейганом процентных ставок долги существенно выросли. Тогда Мексика вынуждена была перестать тратить значительные средства на государственные капиталовложения, образование, помощь бедным и тому подобное, чтобы удовлетворить нью-йоркских банкиров.¹³ Легитимность потребности банкиров и (вкладчиков банка) в домах стоимостью полтора миллиона долларов в сравнении с потребностью в четырехклассном образовании для крестьянских детей определялась международным *numeraire* по определенной процентной ставке, скажем, лондонской межбанковской [процентной] ставке (ЛИБОР). Очевидно, что «капитализм» в глобальном смысле слова зависит от большей легитимности ЛИБОР в сравнении с легитимностью образования крестьянских детей.

Нет ничего странного в том, что всякий раз при повышении процентной ставки неявное требование перераспределения дохода от бедных должников к богатым кредиторам делает такую легитимность проблематичной в странах-должниках. Более низкие процентные ставки, особенно сниженные популистскими правительствами бедных стран, менее легитимны в богатых капиталистических странах. Поскольку колебания процентной ставки приводят к перераспределению дохода внутри стран и между ними, открытое соперничество Лондона и Нью-Йорка с мексиканским правительством по поводу легитимного способа установления процентной ставки вызывает сложность при легитимности капитализма.

Но проблема легитимности глубже проблемы перераспределения. Стоимость денег определенной нации в международной торговле и международных перечислениях капитала, равно как и международных притязаниях на него, зависит от стоимости и ожидаемой стоимости экспорта страны в соотношении со стоимостью и ожидаемой стоимостью ее импорта. Сам валютный курс, оценивающий одни продукты в других, зависит от объема местного производства и ожидаемого местного производства в каждой из стран и объема местного потребления и ожидаемого потребления, оцененного в двух соответствующих валютах. Решение вопроса легитимности означает решение вопроса соответствующих денег, что означает решение вопроса общего объема выпускаемой продукции и потребления. И оно было проще, когда дело касалось только производства, чеканки, обмена и потребления золота и серебра, как предполагал Вебер.

Грубо говоря, инфляция или негативные изменения валютного курса, скажем, мексиканской валюты происходят тогда, когда общая сумма требований к потреблению (представленная деньгами, потраченными на местные материальные капиталовложения и непосредственное потребление) превышает общий объем произведенной продукции, оцененный в заплаченных за нее деньгах. Инфляция и девальвация в этом случае — это слишком большое количество песо, гоняющееся за слишком небольшим количеством товаров, оцененных в песо.

¹² Ariovich 2001.

¹³ Общий анализ см.: Ghai 1990.

Очевидно, что в мире в целом общая сумма расходуемых инвесторами и потребителями средств должна равняться общей сумме мирового производства в течение довольно непродолжительного периода сокращения или увеличения наличных товаров. Если, например, количество денег, потраченных на мировые материальные капиталовложения, превышает общий объем произведенной продукции, то относительная потребительская доля общего мирового производства должна понизиться. Достигается это путем обесценивания притязаний на материальные товары данной суммы потребительских денег во время инфляции или относительной девальвации валюты. В докапиталистических обществах количество зерна, находившегося в зернохранилищах фараона, значительно жестче определяло количество людей, которых им можно было прокормить.

Но созданию легитимности мешает то, что эти отношения между общим объемом произведенной продукции и общим количеством денег, потраченных страной, зависят от денежно-кредитной и налоговой политики других стран. Снижение налогов и повышение расходов на оборону при Рональде Рейгане угрожало Соединенным Штатам инфляцией. Но резким повышением процентной ставки Федеральный резервный банк США стремился сократить инвестиции и потребительский кредит, особенно в США, чтобы сбалансировать дополнительные расходы на вооружения и тем самым предотвратить инфляцию. Снижение же мексиканских инвестиций в государственные предприятия было побочной выгодой для капитализма, если не для благосостояния людей. Но сократились также расходы на образование мексиканских крестьян, что было неблагоприятным побочным эффектом. Альтернативой повышению процентных ставок могло бы стать повышение американских налогов, и тогда мексиканцам не пришлось бы платить за огромные дома американских банкиров. Вероятно, повышение показателей банкротства среди американских предприятий было издержкой капитализма, но они оплатились за то, что поддержали Рейгана.

Денежно-кредитная и налоговая политика, а также политика торгового баланса богатых стран легитимировались перекладыванием издержек на бедные страны посредством валютных курсов. То есть «рынок» легитимировал влияние капиталистических правительств на бюджеты других стран, связывая последствия с балансом спроса и предложения на деньги. Монополия американского правительства на валютную политику дает Соединенным Штатам преимущество перед другими странами при легитимации спросом и предложением, точно так же, как легитимируется спросом и предложением монополистическая власть, созданная, скажем, монополией «Дюпон» над ценовой политикой «Дюпон».

Другим важным средством легитимации капиталистического богатства служит вера в неизбежность — то, что мы за пару последних десятилетий научились называть гегемонией. Гегемония представляет неизбежной стимулирующую систему капитализма и таким образом ограничивает возможности действия преследованием этих стимулов.¹⁴ Если капиталисты не станут покупать здания и станки для фабрики, то их купит кто-то другой, поэтому

¹⁴ Грамши 1959, с. 214-220, особ. 207-209.

они вынуждены покупать их сами. Что бы ни говорили о прежнем Советском Союзе или о роли государственных предприятий в росте замещения импорта в Южной Америке, они, во всяком случае, показали, что экономический прогресс может обойтись и без капиталистов. Но легитимность, происходящая из капиталистической неизбежности, подобно любой другой ложной идеологии может укреплять авторитет предпринимателей (см. ниже оценку веберовского анализа городов) и легитимировать правительства, которые, по указке МВФ, побуждают предприятия все время брать новые ссуды.¹⁵ Советский Союз не брал новых ссуд и продолжал строить заводы, поэтому на самом деле капитализм не избежен.

7. Банкротство, Международный валютный фонд и легитимность

Как уже было сказано выше, рейгановская политика также привела к самым высоким показателям банкротства среди американских фирм в новейшей истории. При банкротстве банк или другие кредиторы фирмы несут потери, но взамен они получают активы фирмы-банкрота, чтобы сделать их по возможности ликвидными. Существуют различные способы придания ликвидности — одни связаны с продажей всех активов фирмы, другие — с сохранением ее работы.¹⁶ Но сложно продать активы Мексики или заменить ее правителей нью-йоркскими юристами, специализирующимися на делах о банкротстве.

То есть в трудные времена долги отдельных стран вызывают иные проблемы легитимности, нежели долги фирм в ведущих капиталистических странах. И, конечно, долги стран напрямую влияют на стоимость их валют. Таким образом, в мировом капитализме легитимность МВФ, который старается обеспечить получение нью-йоркскими и лондонскими банкирами своего процента и основной суммы по новым ставкам в мировой валюте, примерно соответствует легитимности суда по делам о банкротстве.

Собрание соседей с винтовками на американской ферме, которая должна перейти в пользование залогодателя из-за просрочки выплат по закладной во время Великой депрессии, напоминает проблему легитимности МВФ. «Сколько у МВФ дивизий?» — такая же проблема стояла и перед Папой римским на начальном этапе распространения капитализма во всем мире. В старые добрые деньки Гитлер, Муссолини и Сталин проводили националистическую политику замещения импорта в духе популистского социализма, которая во многом похожа на политику, которая проводилась бедными странами, недавно пережившими кризис. И часто за этими кризисами стоял МВФ. Германия, Италия и Советский Союз имели дивизии, отказывались банкротиться и ничего не просили у западных кредиторов.

С международной точки зрения, приватизация государственных нефтяных, электрических, железнодорожных или авиационных компаний превращает проблему государственного банкротства в проблему банкротства

¹⁵ Ср.: Block 1987.

¹⁶ Подробное описание проблем, над решением которых бились реформаторы банкротства в двух странах, и того, как они приходили к различным решениям (США стремились сохранить большее число корпораций, а Великобритания — ликвидировать), совместимым с капитализмом, см.: Halliday and Carruthers 1998.

частной фирмы. Это зависит от введения в стране капиталистического законодательства о банкротстве, которое оказывается очень трудно легитимировать и выполнять. Многие российские фирмы восполняли собственный дефицит за счет правительственных субсидий из средств, взятых в займы у международных банкиров и держателей облигаций. Чтобы произвести международное банкротство, иностранные кредиторы должны иметь вес в судах бедной страны и право управлять ресурсами не выполнившего своих обязательств заемщика внутри страны. Такая политика открывает перед кредиторами и инвесторами больше возможностей в выборе рисков и стратегий управления убытками. Она также делает возможными различные сочетания акций и облигаций при ввозе капитала в страну различными фирмами. Но новый рынок капитала по-прежнему вынужден полагаться на правительство, которое может изменить законодательство о банкротстве или соотношение валюты по требованию должника.

Причина, по которой странам нельзя доверять изменение положений о возврате долгов и банкротстве, заключается в том, что они равнодушны к тому, кто владеет и распоряжается ресурсами страны даже в случае банкротства. Частные контракты с долговыми обязательствами в долларах, фунтах или марках оказывают такое же влияние на платежный баланс страны, что и выплаты по государственным долговым обязательствам. Таким образом, проблемы денежно-кредитной, налоговой и торговой политики двух и более стран по-прежнему связаны с будущей стоимостью сделки либо для инвестора, либо для фирмы. Поэтому показательное одобрение Вебером исчислимости закона по-прежнему требует исчислимости денег, которая зависит теперь от денежно-кредитной, налоговой и торговой политики обеих стран.

Приватизация государственных предприятий и инвестиций в развитие, в таком случае, зависит от отношений между институтами различных стран. Когда настрой у МВФ решительный, а страна достаточно мала, чтобы ей помыкать, МВФ все же приходится оставаться легитимным после того, как долги становятся частными, поскольку проблема международных частных долгов всегда имеет для государств большое значение. Приватизация просто означает, что конфликт может быть на время смещен в область переговоров по вопросам «технического» гражданского права. Гражданское право говорит, кто несет убытки, а кто извлекает выгоду, когда у фирмы неприятности, и потому оказывается глубоко политическим вопросом.

Уолтон и Рэгин показали, что причиной бунтов и восстаний в бедных странах часто бывает проводимая под руководством МВФ политика перераспределения от беднейших стран к богатейшим.¹⁷ Такое перераспределение представляет собой обычный исход производства по делам о банкротстве, без которого кредитные механизмы современного капитализма были бы ненадежными. Как показала волна банкротств в Соединенных Штатах при Рейгане, капитализм пожирает собственных детей. Шумпетер назвал это «созидательным разрушением», хотя его трудно представить в качестве сторонника Рейгана.¹⁸ Вмешательство МВФ в вопросы социальных и инвестиционных

¹⁷ Walton and Ragin 1990.

¹⁸ Шумпетер 1995, с. 124-130.

расходов бедных стран, которые не в состоянии были выплатить поднятые Рейганом проценты, показывает, что капитализм также питается крупными социальными расходами и расходами на развитие бедных стран. Он использует идеологию прогресса, чтобы не дать бедным странам пойти – при поддержке собственных правительств – по пути прогресса. Не так уж и много свидетельств того, что чистый капитализм действительно ведет к обещанному прогрессу (в социалистических индустриальных странах темпы роста были не ниже, чем в капиталистических, а в странах Восточной Европы с установлением капитализма значительного увеличения темпов роста не произошло), хотя он и способствует процветанию Нью-Йорка и лондонского Сити.

8. Нынешние попытки создания твердой валюты

Современная попытка создания международной валюты из того, что Вебер называл государственными деньгами, описана Брейтуэйтом и Драхосом.¹⁹ Основная проблема системы в целом заключается в том, что основной мировой валютой после окончания Второй мировой войны был американский доллар. Но количество международного продукта, на которое может претендовать единица этих денег, определяется американским правительством благодаря имеющемуся у него небольшому макроэкономическому преимуществу или преимуществу американских предпринимателей в торговле и инвестициях за рубежом.

Основными областями, в которых политически определенная стоимость денег вызывает международное изменение первоначально предусмотренной в контракте стоимости, являются: 1) определение валютного курса; 2) ответные действия на торговый и долговой дисбаланс; 3) разделение «суверенных» стран, определяемое контролем над двумя предыдущими факторами, по налоговым притязаниям на международные потоки торговли, по инвестициям и по созданию новых валют. Все три области тесно взаимосвязаны, потому что они касаются отношения между национальной валютой как притязанием на национальный доход и общенациональными притязаниями на денежную стоимость международных потоков.

На протяжении большей части современной истории основным источником притязаний стран на большую долю международных потоков, нежели та, что вносилась в эти потоки самой нацией, была война, военные долги и военные «репарации». После Второй мировой войны объем таких возмещений несколько сократился, хотя они и сохранили определенную значимость во время корейской и вьетнамской войн и вообще на всем протяжении «холодной войны». В общем, во время войн притязания военных на обладание национальным продуктом сильнее, чем у гражданских лиц.

Но при сокращении этих военных выплат основным источником нарушения баланса стал чрезвычайно большой (по сравнению с общей мировой торговлей) торговый дефицит Соединенных Штатов. По большому счету, американский экспорт неконкурентоспособен на мировом рынке, тогда как экспорт других стран способен конкурировать на американском рынке. Несом-

¹⁹ Braithwaite and Drahos 2000, pp. 88-142.

ненно, отчасти это обусловлено огромными военными расходами Соединенных Штатов. (Во время «холодной войны» потребление домохозяйств в Советском Союзе было ниже уровня экономического производства, что позволило ему поддержать свою военную машину — одно из преимуществ диктатуры — и избежать дисбаланса в международной торговле). Еще одной причиной неконкурентоспособности служат более высокие требования к норме прибыли на капитал, предъявляемые американскими корпорациями и инвесторами. Если прибегнуть к существенному упрощению — только для того, чтобы приблизиться к проблеме стоимости денег, — то можно сказать, что причиной американского сверхпотребления (по отношению к национальному продукту) были социальные выплаты и государственные инвестиции других стран, вызванные сокращением государственных и общественных притязаний на международные потоки со стороны бедных стран.

Все дело было в финансировании Соединенными Штатами своего огромного дефицита благодаря использованию своей возможности распространять капитализм и притязаниям (различными средствами, многие из которых косвенно были связаны с обладанием монополией на создание международной валюты) на значительную часть дохода, получаемого кредиторами и капиталистами.²⁰

Но здесь нас интересуют подробности изменения стоимости валюты, позволяющие прояснить основные вопросы макроэкономической истории. Вдохновленная Кейнсом Бреттон-Вудская стабилизация стоимости валюты сразу же после Второй мировой войны установила достаточно четкие отношения между валютами, определив их отношение к американской валюте, которая, в свою очередь, обеспечивалась золотом. Когда стоимость американской валюты стала слишком высокой для покрытия американского дефицита, МВФ не стал требовать строгой бюджетной экономии. Вместо этого Соединенные Штаты отказались от золотого стандарта; и за ними неизбежно последовал весь остальной мир. Скрытая девальвация американской валюты укрепила американскую конкурентоспособность, но разрушила стабильную валюту. Плавающие валютные курсы поставили стоимость валют в зависимости от бюджетного и внешнеторгового дефицита различных стран.

После этого МВФ попытался остановить колебания этих стоимостей (особенно стоимости долгов бедных стран) при помощи все более глубоких вмешательств своей финансово-бюджетной и макроэкономической политики во многом потому, что он не в состоянии был контролировать финансово-бюджетную политику крупных капиталистических стран. И, конечно, он не в состоянии был корректировать значительные расходы на вооружения и войну у Соединенных Штатов, валюта которых определяла международную стоимость денег и после того, как ее стабильность была подорвана. Причиной вмешательств были валютные кризисы в небольших бедных странах, вызванные использованием МВФ контроля над займами для покрытия дефицита.

Во многом дефицит в США был обусловлен нежеланием поднимать налоги для покрытия военного дефицита и американской неконкурентоспособностью на экспортных рынках. Короче говоря, стоимость американской валю-

²⁰ Ghai 1990.

ты снижалась потому, что страна потребляла больше, чем производила. Вместо того чтобы решить проблему инфляцией американской валюты, произошло повышение процентных ставок, что сделало валюты других стран «более дорогими», вследствие чего именно они, а не американцы вынуждены были сократить потребление. Поскольку Соединенные Штаты отдали предпочтение такому решению, а не снижению прибылей американских фирм за рубежом посредством налогообложения, сокращение потребления бедных должно было произойти в результате действий МВФ. Бюджетный дефицит и внешне-торговый дефицит тесно связаны между собой, так как снижение налогообложения, а не государственного потребления, вызывает увеличение государственного потребления, не приводя к снижению потребления у потребителей. Вынужденное сокращение налогов из-за принятия более низких налоговых ставок в бедных странах влечет за собой введение режима строгой экономии.

Куда менее важной проблемой, которая, однако, помогает проиллюстрировать проблему создания стабильных стоимостей денег, является проблема налогообложения международных потоков. Если корпорации действуют в нескольких странах, они выигрывают от того, что их прибыли складываются в областях с низким налогообложением, а убытки — в областях с высокими налогами. Весьма существенную долю внешней торговли Соединенных Штатов составляют продажи, совершаемые филиалом корпорации, находящимся в одной стране, филиалу, находящемуся в другой стране, особенно в США. В этом случае цены не определяются капиталистическим рынком. Если бы капиталистические рынки были эффективней командной экономики, управляемой советом директоров и в чем-то похожей на социалистическую, то корпорации шире использовали бы рынки в международной торговле. Но отчасти эффективность такого «международного социализма», управляемого корпорациями, обусловлена тем, что всякий раз, когда продукция производится в юрисдикции с низким налогообложением, цена может быть увеличена для получения высокой прибыли, а издержки приходятся на страну с высокими налогами. Если же продукция производится в стране с высокими налогами, она может быть продана по более низкой стоимости маркетинговому филиалу в юрисдикции с низкими налогами, взяв на себя издержки в юрисдикции с высокими налогами.

Главное для нас здесь состоит в том, что международная валюта имеет иную стоимость для договаривающейся стороны, если она заработана в стране с низкими налогами. В странах с социал-демократическими правительствами налоги более высоки, поэтому шведские компании, например, получают преимущество, извлекая прибыль в Швейцарии или Соединенных Штатах, а не в Швеции. Поэтому шведская рабочая сила оценивается по цене ниже ее производительности вследствие юридической формы «прибыли» от шведской рабочей силы, которая может обернуться национальной прибылью на инвестированный капитал в других странах.

Конечно, Вебер был достаточно умен, чтобы избежать этой путаницы. Брейтуэйт и Драхов прекрасно описывают, как мировой капитализм бился над проблемой установления общепринятой стоимости денег.²¹ Веберовс-

²¹ Braithwaite and Drahos 2000.

кая проблема государственной чеканки монеты теперь уже перестала быть проблемой. Но решение проблемы международной стоимости различных государственных валют – это глубоко политическая проблема, и решить ее не легко, особенно если лучшим решением было бы заставить Соединенные Штаты жить по средствам.

9. Сбережения для инвестирования и сбережения для потребления

Вебер утверждает, что капитализм зависит от кредитов, предоставляемых предприятиям для инвестирования. С его точки зрения, обыкновенные акции, облигации, а также обеспеченные и необеспеченные займы суть равноценные «оборотные кредитно-денежные документы». Возвращение денег к инвесторам в виде прибыли на инвестированный капитал зависит не только от соответствующих гарантий гражданского права, но и от желания лиц, имеющих сбережения, и инвесторов. Традиционно значительная часть сбережений приходилась на предпринимателей, тративших меньше, чем они зарабатывали, чтобы инвестировать в «собственное» дело или дело своей семьи. Не многие теперь делают сбережения ради собственного дела или использования преимуществ инвестиционных возможностей в деле родственника.

В наиболее высоко развитых индустриальных странах значительные сбережения находятся в государственных или частных пенсионных фондах (меньшая часть находится в фондах, предназначенных для детского образования, которые отличаются от пенсионных главным образом более кратким временным разрывом между внесением в них сбережений и их расходованием). Что касается пенсий, то люди сберегают около 10-20% своего заработка – плюс доходы от капитала или государственные надбавки, не позволяющие инфляции обесценить сбережения, – на протяжении примерно сорока лет. Затем они получают и обычно тратят такие сбережения и доходы от капитала в течение примерно двадцати лет после выхода на пенсию. Простые арифметические расчеты показывают, что это должно обеспечить такой поток сбережений и изъятий со счетов, чтобы сбереженный капитал в любое время составлял сумму, примерно втрое превышающую общую сумму дохода, что и оказывается движителем современной экономики. Отношение капитала к годовому объему производства современных экономик приблизительно равно трем к одному. Такое отношение остается довольно устойчивым с тех пор, как первая волна индустриализации и капитализации недвижимости и сельскохозяйственных угодий привела к его возникновению. На самом деле поток «наследств» от одного поколения к следующему не так уж велик: обычно почти все состояние растрчивает вдова.

Проблема этой ориентированной на потребление модели сбережений и изъятий, уравновешивающих друг друга, состоит в том, что поступление капитала зависит от отношения сбережений работающих к потреблению пенсионеров. И, конечно, оно зависит от отношения детей к работающим (коэффициент рождаемости) одним или двумя поколениями ранее. Снижение коэффициента рождаемости ниже уровня воспроизводства населения в большинстве развитых стран представляет угрозу для поступления капитала, даже если кредитные учреждения работают совершенно. Существенные

колебания, наподобие всплеска рождаемости после Второй мировой войны и недавнего резкого снижения коэффициентов рождаемости в развитых обществах, означают, в частности, сокращение числа работающих на пенсионера примерно с 2020 года.²² Поколение, появившееся на свет во время всплеска рождаемости, изымет значительные сбережения, а небольшого числа детей среднего возраста и еще меньшего количества внуков будет недостаточно, чтобы сделать равноценные сбережения.

Ориентированная на потребление пенсионная система представляет угрозу для потока чистых инвестиций, поддерживающего капитал капитализма. Чересчур многочисленная молодежь в странах наподобие Индонезии и Индии может не пожелать делать сбережения для обеспечения капиталоемкости богатых стран. Высокий показатель сбережений в Японии, инвестируемых в последние годы в Соединенные Штаты, зависел от большого числа делающей сбережения молодежи, а примерно к 2020 году оно сократится и Япония начнет соперничество за средства для того, чтобы сохранить собственный основной капитал.

10. Государства как современные “города”: гражданское право и международная торговля

Вебер говорит, что, как правило, города представляют собой поселения, получающие свои съестные припасы извне (*ИХ*, с. 292). Альтернативные методы обеспечения таковы: обязательные поставки городам с опорой на политическую власть («налоги»); обязательные ритуальные пожертвования (десятина, подношения или общие «литургические пожертвования»); наличие сельскохозяйственных земель в собственности у городских жителей; коммерческая жизнь, позволяющая получать съестные припасы от коммерческих фермеров, которым платят торговцы, извлекающие собственную прибыль от торговли на более высоком уровне, чем местный. И только последний метод поставки съестных припасов закладывает основы капитализма.

Вебер также утверждает, что отличительная особенность городов в Западной Европе эпохи Средневековья и начала Нового времени заключается в наличии в торговых городах органов самоуправления, способных самостоятельно создавать гражданское право и проводить его в жизнь. Здесь берут свое начало две стороны «гражданства»: способность искать и отвечать в гражданских судах; и участие множества различных людей, зависимых от торговли, в правительстве, создающем эти суды. Он приводит девиз: «Городской воздух освобождает», служивший защитой такого гражданства и предупреждением вмешательства в торговлю сельских феодалов, которые имели претензии к торговцам, работникам или иностранцам в эпоху зарождения капитализма. Следует помнить, что число «граждан» в городах было незначительным даже по сравнению с общим числом жителей городов, не говоря уже о жителях прилегающих территорий.

Отметим отличие этой структуры от обнаруживаемой Вебером в докапиталистическом сельском хозяйстве сложной системы удовлетворения жиз-

²² Schieber and Shoven 1997b.

ненно важных потребностей и различных местных земель. Безусловно, этот идеальный тип раннекапиталистического города – вопрос степени. Многие такие города имели земельные окраины с огородами, которые обеспечивали город свежим продовольствием, так что и в самих городах имелись кое-какие съестные припасы. Многие города совершали коммерческого типа платежи за поставки продовольствия, которые, тем не менее, были обязательными и потому оставались нерыночными. Многие города имели собственное духовенство, которое частично обеспечивалось десятиной и монастырскими землями, располагавшимися в сельской местности.

На мой взгляд, в современном мире этой структуре наиболее близко соответствует небольшая богатая страна наподобие Нидерландов, Дании, Тайваня, Канады, Австралии, Чили или, конечно же, Сингапура. (Гонконг довольно точно воспроизводит веберовский идеальный тип). Обычно более половины всего, что они потребляют, поступает извне и более половины товаров и услуг, которые они производят, продаются за пределами страны. Они создают свое собственное гражданское право и законодательство «города-государства». Но они вынуждены составлять подобное законодательство таким образом, чтобы иностранцы торговали с ними, а они могли приобретать у них средства к существованию. В сущности, гражданское право и торговое право составляют основу благополучия их правительств, армий, властителей и парламентов.

Крупные европейские государства развиваются в направлении этих небольших торгово-промышленных государств, поскольку все большая доля того, что они потребляют, импортируется, а того, что они производят, экспортируется. Хотя в основе сегодняшнего капитализма лежит гегемония Соединенных Штатов, смутное ощущение, что по-настоящему капиталистическими странами являются Нидерланды и Сингапур, полностью верно.

Моделью эволюции этого внутреннего и внешнего развития гражданского права служит развитие *lex mercatoria*, торгового права, в средневековой средиземноморской торговле, которую Вебер изучал в своей диссертации.²³ Это право, составленное главным образом в городах Северной Италии, было кодифицировано в Каталонии, предположительно в Барселоне, причем в кодифицированном виде оно стало местным гражданским правом в городах, позднее изучавшееся им более глубоко. Со временем торговое право было включено в английское общее право. Подобное развитие претерпел единый коммерческий кодекс для штатов США, хотя в конституции имелся соответствующий пункт о регулировании торговли. Европейский Союз, возможно, служит идеальным примером того, что следует предпринять, чтобы развиваться в направлении Нидерландов или Сингапура.

Основными предпосылками, содержащимися в веберовском анализе города, являются достаточная местная автономия и зависимость от торговли, способная стать толчком к развитию местного гражданского права, и достаточное количество других коммерческих партнеров, имеющих схожую структуру, способное построить международную коммерческую систему, охватывающую различные местности. Иногда первым шагом к самостоятель-

²³ Weber 1924.

ному правлению торговли служит сосуществование международного гражданского права и местного гражданского права, наподобие морского права наряду с общегражданским правом в Соединенных Штатах. Судья Лернед Хэнд известен тем, что привел морское право в соответствие с внутренней торговлей Соединенных Штатов и наоборот.²⁴ Основное условие, в конечном счете, заключается в том, что к выполнению контракта с иностранцами может обязывать «беспристрастный» местный суд. Сложность принуждения Индонезии или Малайзии к принятию такого права показывает, что такая эволюция не является автоматической. Точно так же вопрос о выполнении в этих странах решений международного арбитража служит основным условием заключения арбитражных соглашений.²⁵

11. Нелегитимный авторитет предпринимателей

Одна из причин интереса Вебера к управлению городами связана с его анализом легитимности авторитета, причем его собственный анализ не в состоянии объяснить, каким образом предприниматели могут обладать легитимным авторитетом. Известно, что Вебер различал традиционный, харизматический и легально-рациональный легитимный авторитет.²⁶ Но новое господство предпринимателей над фабричной жизнью не обладало ни одним из них: согласие рабочего было куплено деньгами и не требовало наличия легального, традиционного или харизматического авторитета. Гражданское право вообще имеет мало общего с божественным даром, обязательствами, данными так давно, что «людская память не свидетельствует об обратном», или даже единым для всех рациональным законом. Вместо этого оно следит за исполнением добровольного соглашения, когда один партнер передает свои средства взамен на определенное обещание, причем такое светское обещание, лишенное божественной благодати или традиции, исполняется в соответствии с законом. Содержание контракта легитимируется соглашением, а не более высокими принципами.

Как уже было отмечено выше, на самом деле Вебер написал диссертацию о формах авторитета в средневековой средиземноморской морской торговле, в которой традиции и боги почти не играли никакой роли при принятии решений о капиталовложениях и погашении долгов. Согласно его теории легитимного авторитета, изложенной позднее, такие решения и контракты не могли быть легитимными. Я слышал, что будто бы его очерк о городе первоначально назывался «Нелегитимное правление». Но главное, что легитимация капитализма зачастую заключается в легитимности соглашений или контрактов, а не в легитимности государей или армий.

Одна из веберовских предпосылок капитализма состояла в том, что капиталисты должны были пользоваться авторитетом у свободных рабочих и при выплате долгов, не будучи при этом ни традиционными феодалами, ни королями по милости божьей, ни осененными харизматической властью

²⁴ См., напр.: Llewellyn 1960, p. 334.

²⁵ Dezalay and Garth 1996, pp. 121-123; см. также: pp. 7, 168, 313-315, 155n.

²⁶ Gerth and Mills 1958, pp. 51-57, 196-253.

Святого Духа. Даже народная демократия не могла служить основанием гражданского права, авторитета соглашения и власти денег.

И здесь Вебер опять уходит от своей концепции легитимного авторитета в исторический эмпиризм: легитимность предпринимательского авторитета и гражданского права в конечном итоге сложилась, и это, по его признанию, главное. Его восхищают формы власти, возникающие из экономического превосходства, скажем, к примеру, когда торговцы получают власть, первоначально принадлежавшую ремесленным гильдиям. Деньги грязны, но они побеждают, и после того, как они одерживают временную победу, они становятся легитимным правителем лондонского Сити, и уже этой легитимности бросают вызов хозяева манчестерских фабрик, которые самостоятельно делают деньги. Так и произошло. Так и должно было произойти, чтобы мог возникнуть капитализм, но он не стал от этого легитимным — с теоретической точки зрения, этого недостаточно.

Я бы сказал, что основной легитимирующей идеологией «предпринимательского авторитета» и «права заключать сделки» (то есть сделки, получающие законную силу) является идея экономического прогресса. Вебер был глубоко убежден в такой легитимации идеей прогресса: мир должен был быть расколдован, и прогресс был единственным, что оставалось легитимным. Когда чешский рабочий класс видит прогресс только у других, у представителей среднего класса, он начинает считать сомнительными праволиберальные идеи демократии и всестороннего распространения рынка.²⁷ Страны-преемницы Советского Союза попытались построить капитализм, и ни одной из них не удалось добиться прогресса (за исключением, возможно, Эстонии — веский довод в пользу того, что провал капитализма представляет собой «случайность», связанную с тем, что большая часть коммунистической промышленности была ориентирована на «холодную войну» и в нынешних обстоятельствах стала бесполезной).²⁸ Люди в этих странах, по-видимому, зачастую считают, что крупные капиталисты наворачивают свой капитал у государства вместо того, чтобы заниматься предприятиями и идти к прогрессу. Но веберовская теория авторитета ничего не говорит о ситуации, когда отсутствие прогресса делает предпринимательский авторитет нелегитимным. И если я прав в том, что легитимность теперь зависит от прогресса, то отсутствие прогресса делает положение капиталистических правительств шатким; такое обобщение в определенной степени обоснованно для Восточной Европы, но не для Японии.

Поэтому неявная предпосылка капитализма у Вебера заключается в вере в то, что капитализм приводит к прогрессу. Следовательно, там, где капитализм не в состоянии привести к прогрессу, он вряд ли будет установлен, а если это и произойдет, то он не сможет удержаться.

12. Поражение социализма и национализма

В конце жизни Вебер стал изучать русский язык, чтобы следить за историей Советского Союза. Сам он был горячим немецким националистом, хотя и не

²⁷ Hrabá et al. 2001.

²⁸ См.: Попов 2000.

аристократически-реакционного или популистски-нацистского толка. Поэтому он прекрасно понимал основных врагов либерализма – вообще говоря, либерализм был публичной политической идеологией капитализма.

Основной тезис, стоящий за многими вышеописанными препятствиями на пути к развитию капитализма, заключается в том, что солидарность подрывает капитализм: солидарность земледельческой общины, ориентированной на удовлетворение жизненно важных потребностей себя самой и всех своих членов, являет собой ранний пример такого рода. Солидарность человека, находящегося на смертном одре, например, с потребностями супруги, которая будет жить дальше и на которую тратятся все его сбережения, возможно, станет в следующем столетии важнейшим препятствием для производства капитала.

Национальное государство представляет собой крупную организацию людей, готовых доверить собственное будущее голосам своих соотечественников, и едва ли в этом есть что-то от капиталистического рынка. Поэтому национализм, прежде всего, не был «либеральным» в прокапиталистическом смысле этого слова. Социализм и вовсе был антирыночной идеологией. Именно социал-демократическое руководство американского профсоюза работников автомобильной промышленности одобрило слова песни солидарности рабочих с теми, кто уже ушел на пенсию: «Кто позаботится о вас, / Когда вы будете слишком стары, чтобы работать, и слишком молоды, чтобы умирать». И национализм, и социализм суть попытки создания солидарности в «воображаемых сообществах».²⁹

В действительности, Вебер не писал об угрозе капитализму со стороны социализма и национализма. И тот, и другой исходили из различных представлений о прогрессе и, соответственно, о средствах, которые к нему вели. Грубо говоря, они склонны считать, что в основе действительного прогресса лежит планирование, а не невидимая рука рынка. И тот, и другой используют принуждение, по крайней мере, для сбора налогов для общественных благ. Капитализм также использует принуждение, по крайней мере, для защиты прав собственности и выполнения условий сделок.

Различные проявления солидарности в нации могут требовать защиты национальных интересов от внешней конкуренции, эксплуатации, принуждения в производственных и товарных отношениях, колебаний экономических циклов, экономических последствий развода или оставления семьи, а также расового и регионального неравенства. И при налогообложении в пользу таких проявлений солидарности наиболее важна готовность пренебречь желаниями меньшинства. Поражение демократических прав меньшинств наиболее важно сегодня при создании общественных благ для сплоченных общностей.

Эти антикапиталистические движения, конечно, могут также выступать за сохранение неравенства между нациями. Такие сплоченные общности и оградительные меры могут препятствовать распространению капитализма. Социализм создает свои сплоченные общности как раз для того, чтобы не допустить последствий капитализма и уничтожить определенные права собственности, на которых тот покоится. Экспроприация, ее смягченный вариант в

²⁹ Андерсон 2001.

виде налогообложения, регулирование заработной платы, бесплатные или «продаваемые» по цене, ниже себестоимости, государственные блага, например, образование, медицинское обслуживание или дороги, представляют собой антикапиталистические средства, свойственные в том или ином виде всем разновидностям социализма, а также квазисоциалистическим проявлениям национализма, недовольство которыми часто выражают капиталисты.

Карл Поланьи — быть может, больший веберианец, чем сам Вебер, — изложил английское решение конфликта между солидарностью и капитализмом.³⁰ Решение заключалось в создании защитных институтов (особенно для семей), поощрявших пролетарский наемный труд в промышленности и сельском хозяйстве. В основе приспособления солидарности к капитализму лежал принцип меньшей приемлемости благ, получаемых заключенными по сравнению с безработными и безработными по сравнению с самыми бедными рабочими. Приспособление же капитализма к солидарности, кроме выплаты пособий беднякам, не было столь явным. Многоквартирные дома для семей, обеспечение занятости целых семей, определенное обучение и методистские молитвенные дома были результатом добровольного, а не вынужденного приспособления.

Но главное, что здесь необходимо отметить, заключается в том, что все программы социального обеспечения для бедняков и работников физического труда были организованы на национальном уровне (либо на субнациональном, провинциальном или местном уровне) или проводились рабочими и социалистическими организациями (обычно тоже национальными или субнациональными). Субсидии фермерам, предусмотренные программой субсидирования фермеров ЕС, представляют собой единственное серьезное исключение из общего правила и вызывают, наверно, наиболее сильные споры.

Принципы солидарности ведут к некапиталистическому перераспределению внутри группы. Капиталистическое сопротивление такому перераспределению зачастую служит источником конфликтов между капитализмом и национализмом или социализмом. Проявления солидарности также часто бывают направлены против чужаков, особенно принадлежащих к другим этносам и нациям. Но современные проявления солидарности, национализм и социализм, зачастую бывают направлены против зарубежных и отечественных капиталистов.

Маркс предполагал, что такое народное противостояние сплоченных групп капитализму основывалось на общественных производственных отношениях, когда богач приобретал свои богатства благодаря труду бедняков. Но этим едва ли удастся объяснить повсеместно распространенную враждебность к этническим посредническим группам: евреям в Восточной Европе (особенно в Германии и Австрии, когда они входили в состав Восточной Европы и раньше всех испытали на себе глубокое влияние капитализма); китайцам в Юго-Восточной Азии; индусам в Восточной и Центральной Африке. Также нельзя объяснить и главное препятствие, стоящее на пути распространения капитализма в «третьем мире», а именно — националистическую и социалистическую враждебность к богатству иностранных капиталистов. Не-

³⁰ Поланьи 2002.

многие жители стран «третьего мира» участвуют в «производственных отношениях» с этими иностранными капиталистами.

Бедняки обычно склонны считать несправедливыми доходы и богатство богатых, а не самих богатых. В частности, особенно сомнительно богатство как основание дохода, то есть как капитал. Даже либералы отстаивают капитализм на том основании, что он представляет собой идеальную систему стимулов, а не потому, что люди должны быть вознаграждены за свое богатство. Когда такой системе стимулов не удается побудить имеющих доходы и достаток богатых помочь нам, люди начинают искать свидетельства того, что «собственность — это кража». Редкие случаи, когда это оказывается правдой, ставят под сомнение саму систему.

Сомнительность легитимности богатства, производящего доход, усиливает политические последствия классового недовольства благодаря солидарности бедняков. Держатели кредитных карт, арендаторы, работники физического труда и представители нижних слоев среднего класса выражают недовольство классовыми отношениями — никто из них не станет новым богачом. Но когда многие схожим образом относятся к тем, кто вызывает у них недовольство, и когда богатство менее легитимно, классовое недовольство приводит к популизму.

Такой популизм почти всегда оказывается двойственным. Вульгарный интерес к сексуальной жизни богачей или членов королевской семьи (в широком смысле слова, что предполагает включение сюда и Джеки Онассис) служит одним из симптомов этой нелегитимности. Богачи — всегда знаменитости; размер фотографий на страницах журналов и газет, посвященных светской жизни, позволят грубо оценить унаследованное богатство. Но такой вульгарный интерес сам по себе ярко свидетельствует о смутном популистском негодовании; люди получают готовые истории, подтверждающие нелегитимность богатых.

Поэтому сплоченность национализма и социализма, как правило, создается на основе ядра профессиональных политиков, сидящих на окладе руководителей неправительственных организаций, юристов, разного рода активистов из числа тех, кто выражают классовое недовольство, и относительно бездействующей, но многочисленной популистской периферии, испытывающей смутную неприязнь к богатству и жизни богачей. «Богач развлекается, бедняк оказывается крайним». Демократия — это форма правления, которая делает возможным нечеткий популизм, медленно, но верно изменяющий относительное влияние бедняков в классовых отношениях. Наиболее серьезным популистский вызов, подогреваемый призывами к классовому перераспределению, становится тогда, когда недовольство выходит за пределы государственных или национальных границ, как в спорах о тарифах, международных долговых отношениях и возвращенной прибыли многонациональных корпораций.

13. Заключение

С точки зрения XXI века, основная ошибка вербовского анализа предпосылок капитализма состоит в том, что, по его предположению, развитие капитализма происходило «внутри наций». Поэтому среда капитализма и рыноч-

ные отношения также регулировались тем же национальным государством, предприятия которого были основными действующими силами в его теории капитализма. Национальное государство или – на международном уровне – золотое или серебряное содержание валюты определяло стоимость денег, в которых заключались сделки. Коммерциализированное сельское хозяйство существовало в том же национальном государстве, что и города, которые оно кормило. В эпоху, наступившую вслед за той, что была описана в его диссертации, рационализация гражданского права была продолжена государственной бюрократией и государственной судебной системой.³¹ Сбережения должны были делаться или, по крайней мере, контролироваться капиталистическими финансовыми институтами, предназначенными для извлечения прибыли, а не для потребления, и делаться в национальном государстве, не имеющем частной или общегосударственной пенсионной системы, производящей значительную часть капитала. Число международных пенсионных систем было крайне невелико. Нейтрализация вредных последствий от чрезмерных правительственных расходов и капиталистических банкротств было связано с налогообложением и законодательством о банкротстве только одной страны. В отличие от многих из тех, кто рассуждал подобным образом, сейчас или в его эпоху, Вебер понимал, что всего этого раньше не было. Но он не считал, что этого также может не стать в будущем. Теперь капитализм в своем развитии преодолевает международные границы. В действительности, коммерческая торговля между европейскими странами росла быстрее, чем в самих этих странах, с начала Нового времени и, конечно, на протяжении XVIII столетия.

Поэтому целью этой статьи оказывается простое исправление весьма незначительного аспекта теории – почти вся веберовская теория предпосылок капитализма по-прежнему верна. Но, с точки зрения опыта, то обстоятельство, что национальные государства представляют собой основную форму солидарности в мировой капиталистической системе и что для многих торговых и промышленных предприятий гражданское право обособляется, в другой стране, от государства, в котором существует хотя бы одна из сторон, требует внесения серьезных поправок в наше описание эмпирической формы этих предпосылок. И поэтому, с практической точки зрения, значение мелких теоретических ошибок Вебера очень велико.

Перевод с английского Артема Смирнова

Библиография

- Андерсон, Бенедикт. 2001. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. М. КАНОН-пресс-Ц, Кучково-поле.
- Вебер, Макс. 2001. *История хозяйства. Город*. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково-поле.
- Грамши, Антонио. 1959. *Избранные произведения в 3-х т. Т. 3*. М.: Издательство иностранной литературы.
- Поланьи, Карл. 2002. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. СПб.: Алетейя.

³¹ Weber 1924, Поланьи 2002.

- Шумпетер, Йозеф. 1995. *Капитализм, социализм и демократия*. М.: Экономика.
- Ariovich, Laura. 2001. Institutions, politics, and fiscal adjustment in Brazil and Mexico, Unpublished manuscript, Northwestern University.
- Block, Fred. 1987. The ruling class does not rule: notes on the Marxist theory of the state, pp. 51-68, 196-198. In: Block, *Revising State Theory: Essays in Politics and Postindustrialism*. Philadelphia: Temple University Press. Originally published in *Socialist Register* for 1977.
- Braithwaite, John and Peter Drahos. 2000. *Global Business Regulation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Carruthers, Bruce G. and Arthur L. Stinchcombe. 2001. The social structure of liquidity: flexibility in markets, states, and organizations. Ch. 5 in Arthur L. Stinchcombe, *When Formality Works: Abstraction and Authority in Law and Organizations*. Chicago: University of Chicago Press. Originally published 1999.
- Collins, Randall. 1996a. *Weberian Sociological Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Collins, Randall. 1996b. Weber's last theory of capitalism. In: Collins 1996a, pp. 19-44.
- Dezalay, Yves and Bryant G. Garth. 1996. *Dealing in Virtue: International Commercial Arbitration and the Construction of a Transnational Legal Order*. Series: Language and Legal Discourse. Chicago: The University of Chicago Press.
- Gerth, Hans H. and C. Wright Mills, eds. 1958. *From Max Weber: Essays in Sociology*. New York: Oxford University Press.
- Ghai, Darman, ed. 1990. *The IMF and the South: The Social Impact of Crisis and Adjustment*. London: Zed Books.
- Halliday, Terry and Bruce G. Carruthers. 1998. *The Making of Corporate Bankruptcy Law in England and the United States*. Oxford: Clarendon Press.
- Hraba, Joseph, Frederick D. Lorenz, Rehan Mullick, Sagmon Lee and Jiri Vecernik. 2001. Trends in Czech attitudes toward the market and democracy. *Journal of Political and Military Sociology*. 29, pp. 200-220.
- Llewellyn, Karl N. 1960. *The Common Law Tradition: Deciding Appeals*. Boston: Little, Brown.
- Paige, Jeffery. 1975. *Agrarian Revolution*. New York: Free Press.
- Polanyi, Karl, Conrad A. Arensberg and Harry W. Pearson, eds. 1957. *Trade and Market in the Early Empires: Economies in History and Theory*. Glencoe, Ill.: Free Press.
- Popov, V. 2000. Shock Therapy versus Gradualism: The End of the Debate (Explaining the Magnitude of the Transformational Recession). *Comparative Economic Studies*, 42, #1, pp. 1-57.
- Schieber, Sylvester J. and John B. Shoven, eds. 1997a. *Public Policy toward Pensions*. Cambridge Mass.: MIT Press.
- Schieber, Sylvester J. and John B. Shoven. 1997b. The consequences of population aging on private pension fund saving and asset markets. In Schieber and Shoven 1997a, pp. 219-245.
- Walton, John and Charles Ragin. 1990. Global and national sources of political protest: Third World responses to the debt crisis. *American Sociological Review*, 55, pp. 876-890.
- Weber, Max. 1924. Zur Geschichte der Handelsgesellschaften im Mittelalter nach südeuropäischen Quellen. *Abhandlungen*, Stuttgart: Ferdinand Enke. Reprinted pp. 312-443 in Weber, *Gesammelte Aufsätze zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*. Tübingen: G. C. B. Mohr [Paul Siebeck]. Originally published 1889.
- Woodward, C. Vann. 1979. *Tom Watson: Agrarian Rebel*. New York: Oxford University Press; originally published 1938.